

и поставки со стороны союзников помогли. Армия, хорошо вооруженная и обмундированная, готовилась к последнему, решающему наступлению, которое призвано было сокрушить австро-германский фронт.

Врангель, разумеется, не знал, что сосредоточение всех усилий на военном производстве привело к тяжелейшему кризису железнодорожного транспорта, который в феврале 1917 года находился на грани коллапса. Вследствие этого крупные города испытывали перебои с поставкой продовольствия, что в конечном счете привело к голодным бунтам в Петрограде и началу революции. Врангель не знал также, насколько многомесячное сидение в окопах осточертело простым солдатам. Для них цели этой войны никогда не были близки. Правда, в кавалерии недовольство ощущалось намного слабее, чем в пехоте. Кавалерийские дивизии по большей части пребывали в резерве и гораздо меньше времени, чем пехотные, проводили в окопах.

РЕВОЛЮЦИЯ

В конце февраля 1917 года в Кишинев приехала Ольга Михайловна, работавшая в полевом госпитале на Румынском фронте. По ее воспоминаниям, муж, несмотря на генеральский чин, лихо танцевал на балах, не отставая от юных поручиков.

Об этом времени пишет сын Врангеля Алексей Петрович: «В Кишиневе рекой лилось шампанское, пары кружились в вальсе под музыку полкового оркестра, звучал смех, никто не замечал темных туч, сгустившихся над головой. Когда грянула гроза, все были застигнуты врасплох...»

Барон тем не менее не слишком удивился революции. «Я их всех хорошо знаю, — говорил он об императорской фамилии близким знакомым. — Они не могут править, потому что не хотят... Они потеряли вкус к власти». В мемуарах он сокрушался, что «опасность была в уничтожении самой идеи монархии, исчезновении самого Монарха»: «Что должен был испытать русский офицер или солдат, сызмальства воспитанный в идее нерушимости присяги и верности Царю, в этих понятиях прошедший службу, видевший в этом главный понятный ему смысл войны?..»

Временное правительство, «безвольное и бездарное», как считал Врангель, «позорно отдало Россию на милость победителя». Но не оно одно было виновно — «ответственность с ним разделяли и старшие военачальники, и весь русский народ». В возникновении смуты был повинен и сам Николай II: в начале 1917 года, по утверждению Врангеля, «армия, как и

вся страна, отлично сознавала, что Государь действиями Своими больше всего Сам подрывает престол». Но когда Крымов зачитал царский манифест об отречении, Петр Николаевич в сердцах воскликнул: «Это конец, это анархия!»

Вскоре после опубликования 1 марта приказа № 1 Петроградского Совета, отменявшего единоначалие офицеров и вводившего в частях власть выборных комитетов, Врангель был направлен в Петроград своим начдивом с письмом к военному министру А. И. Гучкову*. Петр Николаевич передает содержание письма Крымова: «В горячих, дышащих глубокой болью и негодованием строках он писал об опасности, которая грозит армии, а с нею и всей России. О том, что армия должна быть вне политики, о том, что те, кто трогают эту армию, творят перед родиной преступление... Среди чтения письма он вдруг, схватив голову обеими руками, разрыдался... Он заканчивал письмо, прося А. И. Гучкова выслушать меня, предупреждая, что всё то, что будет сказано мною, он просит считать как его собственное мнение. В тот же вечер я выехал в Петербург».

Вид революционного города поразил барона:

«В Царском дебаркадер был запружен толпой солдат гвардейских и армейских частей, большинство из них были разукрашены красными бантами. Было много пьяных. Толкаясь, смеясь и громко разговаривая, они, несмотря на протесты поездной прислуги, лезли в вагоны, забив все коридоры и вагон-ресторан, где я в это время пил кофе. Маленький рыжеватый Финляндский драгун с наглым лицом, папирской в зубах и красным бантом на шинели бесцеремонно сел за соседний столик, занятый сестрой милосердия, и пытался вступить с ней в разговор. Возмущенная его поведением сестра стала ему выговаривать. В ответ раздалась площадная брань. Я вскочил, схватил негодяя за шиворот и, протащив к выходу, ударом колена выбросил его в коридор. В толпе солдат загудели, однако никто не решился заступиться за нахала».

Первое, что бросилось в глаза барону в Петрограде, — это огромное количество красных бантов, украшавших почти всех. Они были видны не только на шатающихся по улицам в расстегнутых шинелях безоружных солдатах, студентах, курсистках, шоферах таксомоторов и извозчиках, но и на щеголеватых штатских и значительном числе офицеров. Встречались

---

* Александр Иванович Гучков — лидер партии октябристов, председатель Третьей Государственной думы. В числе других политиков принимал отречение Николая II, являлся военным и морским министром Временного правительства, а во время Гражданской войны — консультантом А. И. Деникина по политическим вопросам. (Прим. ред.)

элегантные кареты с кучерами, разукрашенными красными лентами, и седоками с приколотыми к шубам красными бантами. Врангель вспоминал:

«Я лично видел несколько старых, заслуженных генералов, которые не побрезгали украсить форменное пальто модным революционным цветом. В числе прочих я встретил одного из лиц Свиты Государя, тоже украсившего себя красным бантом; вензеля были спорты с погон; я не мог не выразить ему моего недоумения увидеть его в этом виде. Он явно был смущен и пытался отшучиваться: “Что делать, я только одет по форме — это новая форма одежды...” Общей трусостью, малодушием и раболепием перед новыми властителями многие перестаравались. Я все эти дни постоянно ходил по городу пешком в генеральской форме с вензелями Наследника Цесаревича на погонах (и, конечно, без красного банта) и за всё это время не имел ни одного столкновения.

Эта трусливость и лакейское раболепие русского общества ярко оказались в первые дни смуты, и не только солдаты, младшие офицеры и мелкие чиновники, но и ближайшие к Государю лица и сами члены Императорской Фамилии были тому примером. С первых же часов опасности Государь был оставлен всеми. В ужасные часы, пережитые Императрицей и Царскими Детьми в Царском, никто из близких к Царской Семье лиц не поспешил к Ним на помощь. Великий Князь Кирилл Владимирович сам привел в Думу гвардейских моряков и поспешил “явиться” М. В. Родзянко. В ряде газет появились “интервью” Великих Князей Кирилла Владимировича и Николая Михайловича, где они самым недостойным образом порочили отрекшегося Царя. Без возмущения нельзя было читать эти интервью. Борьба за власть между Думой и самочинным советом рабочих и солдатских депутатов продолжалась, и Временное Правительство, не находившее в себе силы к открытой борьбе, все более становилось на пагубный путь компромиссов».

Гучкова в городе не оказалось. Врангеля принял министр иностранных дел П. Н. Милюков. Генерал заявил ему: «Сейчас война, и мы все воины, и офицеры, и солдаты, где бы мы ни находились: в окопах, в резерве или в глубоком тылу, — мы всё время, в сущности, несем службу и находимся “в строю”. Новые права солдата, требование обращения к солдатам на “вы”, право посещать общественные места, свободно курить и так далее хорошему солдату сейчас не нужны. Русский простолюдин сызмальства привык к обращению на “ты” и в таком обращении не видит для себя обиды; в окопах и на привале русские офицеры и солдаты живут вместе, едят из одного котла и закуривают от одной папироски. Свободным посеще-

нием публичных мест, курением и прочими свободами воспользуются лишь такие солдаты, как те, что шатаются ныне по улицам столицы».

Милюков возражал, что представители армейских комитетов дают другие сведения насчет настроения простолюдинов в серых шинелях. Барон и приват-доцент не договорились.

Возможно, Врангель в тот момент вообще служить не хотел — по крайней мере, на фронте. Он слишком хорошо понимал, что революция и приказ № 1 разлагают армию, ее боеспособность стремительно падает. Побед с такими солдатами не одержишь, а терпеть поражения он не привык.

Особенно неприятное впечатление произвел на Врангеля инцидент, случившийся 17 марта на празднике Амурского казачьего полка. В мемуарах он изложен следующим образом:

«Полком командовал... полковник Сычев. Подъехав к выстроенному для парада полку, я с удивлением увидел, вместо сотенных значков, в большинстве сотен красные флаги. Для флагов этих казаки, видимо, использовали “подручный материал”, и на флаг одной из сотен, очевидно, пошла юбка из красного ситца с какими-то крапинками. Командир подскакал с рапортом, оркестр заиграл марсельезу. Приняв рапорт командира полка, я спросил его, что значит этот маскарад, и услышал неожиданный для меня ответ — “казаки этого потребовали”. Я объявил полковнику Сычеву, что не допускаю никаких “требований” подчиненных, что уставом ясно указано о порядке встречи старших начальников, что при встрече полк обязан играть полковой марш и что цвет значков каждой сотни установлен. Проехав по фронту, поздоровавшись с сотнями и поздравив с войсковым праздником, я, став перед фронтом полка, обратился к казакам:

— Я ожидал встретить славный ваш полк под старым своим знаменем, а сотни с их боевыми значками, вокруг которых погибло геройской смертью столько славных амурских казаков. Под этими значками хотел я собрать сегодня вас и выпить за славу Амурского войска и Амурского полка круговую чарку, но под красной юбкой я сидеть не буду и сегодняшний день с вами провести не могу.

Круто повернув коня, я поскакал домой.

В тот же день я отдал приказ по дивизии, где объявил выговор командиру Амурского полка за допущение беспорядков в строю. Полковник Сычев, поддержанный заведующим хозяйством есаулом Гордеевым, пьяницей и плохим офицером, пытался вызвать неудовольствие полка против меня, стараясь внушить офицерам и казакам, что я оскорбил полк и в лице его все амурское казачество, что я сам не казак, а потому и

обижаю казаков — одним словом, раздался тот припев, который впоследствии напевали так часто вожди “самостийного” казачества. Как только я узнал о недопустимых действиях командира полка и его помощника, я без лишних слов отдал приказ об отрешении обоих от должности и предписал им в тот же день выехать из пределов дивизии. Приехав в Амурский полк, я собрал офицеров, разъяснил им дело и высказал свой взгляд на вещи. В командование полком я приказал вступить Полковнику (в этой должности он был впоследствии утвержден по ходатайству генерала Крымова), а о действиях полковника Сычева и есаула Гордеева приказал командиру 2-ой бригады, генералу Железнову, произвести расследование для предания их суду».

Врангель оставался в убеждении, что командиры с твердой волей еще способны решительными действиями остановить прогрессирующее разложение. На самом деле его усилия можно сравнить с попытками спасти тонущий корабль, вычерпывая воду стаканами, когда мощные помпы уже вышли из строя. Противостоять революционной стихии барон не мог.

Тридцатого марта Крымов был назначен командиром 3-го кавалерийского корпуса, а Врангель стал начальником Уссурийской дивизии, которая была включена в его состав. Однако Врангель больше не хотел командовать казаками. В мемуарах он писал: «Надежд, возлагаемых генералом Крымовым на казаков, я не разделял. Прожив детство и юность на Дону, проведя Японскую войну в рядах Забайкальского казачьего полка, командуя в настоящую войну казачьим полком, бригадой и дивизией, в состав коих входили полки трех казачьих войск, — я отлично знал казаков. Я считал, что они легко могут стать орудием в руках известных политических кругов. Свойственное казакам испокон стремление обособиться представляло в настоящую минуту, когда значительная часть армии состояла из не казаков, а казачьи части были вкраплены в целый ряд регулярных дивизий, немалую опасность. Я считал, что борьба с развалом должна вестись иными путями, не ставкой на какую-либо часть армии, а дружным единением верхов армии и сплоченностью самой армии. Но генерала Крымова трудно было переубедить. Он весь увлечен новой идеей. Это с места учли некоторые элементы — в полках стало заметно среди офицеров деление на казаков и не казаков».

Врангель отказался служить под началом Крымова и по его предложению написал военному министру и начальнику штаба Верховного главнокомандующего рапорт с просьбой назначить его начальником регулярной конной дивизии. С этим рапортом Петр Николаевич 5 апреля выехал в Петроград

(интересно, что в мемуарах он предпочитал именовать столицу по-старому — Петербургом). Здесь он застал антиправительственные выступления 20 апреля в связи с нотой Милюкова союзникам о намерении России продолжать войну. Это был первый кризис Временного правительства, преодоленный благодаря уходу из правительства Милюкова и кадетов и усилению представительства социалистических партий. Фактически было закреплено двоевластие правительства и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Без согласия Петросовета Временное правительство не могло провести в жизнь никаких своих решений.

Врангель окончательно разочаровался в способности Временного правительства навести порядок в армии и стране. В Петрограде он попробовал создать подпольную военную организацию, которая в подходящий момент поддержала бы генерала Корнилова или какого-либо другого кандидата в военные диктаторы. Но ее члены дальше разговоров с критикой правительства так никогда и не пошли. Во главе организации стал однополчанин и друг Врангеля граф А. П. Пален. Сам же Петр Николаевич явно не торопился на фронт, ожидая, что здесь, в Петрограде, удастся организовать выступление с целью установления военной диктатуры.

Врангель вспоминал:

«Предстоящий переход в наступление скоро перестал быть секретом и для широкой публики, да, конечно, и для врага. Новый министр “революционной армии” Керенский беспрерывно метался на фронте, произносил истерические речи и призывал “революционные войска спасать завоевания революции”. Маршевые пополнения шли на фронт, неся плакаты с призывами: “Война до победного конца”, “Все на фронт”, “Лучше смерть, чем рабство” и т. д. Несмотря на “революционный порыв”, эти маршевые пополнения, большей частью, разбегались по дороге.

В середине июня я получил телеграмму за подписьюдежурного генерала 8-ой армии полковника графа Гейдена, коей испрашивалось согласие мое на назначение меня “впредь до освобождения дивизии” командиром бригады 7-ой кавалерийской дивизии. Я ответил согласием. Однако проходили дни, все более и более приближался час перехода армии в наступление, а приказа о назначении не было.

18-го июня армии Юго-Западного фронта атаковали противника, 8-ая армия генерала Корнилова вторглась в Галицию, фронт противника был прорван, наши войска овладели Галичем и Станиславом. Казалось, после долгих месяцев победа вновь озаряла русские знамена.

Наконец, 30-го июня я получил телеграмму о назначении меня командующим, но не бригадой, а 7-ой кавалерийской дивизией. Через день я выехал в Каменец-Подольск».

Надо заметить, что русское наступление планировалось еще весной, но из-за революции было отложено. В результате оно не было синхронизировано с активизацией англо-французских войск во Франции и Бельгии. Разумеется, за несколько месяцев о нем не могла не узнать немецкая разведка, выявившая концентрацию русских сил на Юго-Западном фронте. К тому времени, когда последнее русское наступление началось, немцы уже отразили атаки союзников. Однако германское и австро-венгерское командования не стали усиливать свои войска, противостоявшие русским частям, не без основания полагая, что имеющимися силами удастся сдержать натиск «революционной армии».

Врангель прибыл на Юго-Западный фронт уже после того, как последнее наступление русской армии полностью провалилось. 18 июня войска 11-й и 7-й армий пошли в атаку в направлении на Львов, но после занятия первых линий неприятельских окопов они начали митинговать, обсуждать приказы и отказывались идти вперед. Уже 20 июня движение пришлось прекратить. Более успешно проходило начавшееся 23 июня наступление 8-й армии под командованием генерала от кавалерии Л. Г. Корнилова на Калуш. Было взято семь тысяч пленных и 48 орудий. Армия Корнилова захватила Станислав, Галич и Калуш и к 30 июня вышла к реке Ломнице.

Австро-германские войска 6 (19) июля нанесли контрудар из района Зличева в направлении Тарнополя (современный Тернополь) и прорвали фронт 11-й армии, что вынудило и другие русские армии начать отход. Комиссары 11-й армии телеграфировали Керенскому: «Наступательный прорыв быстро исчерпался. Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника. На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них — здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходят целые части... Сегодня главнокомандующий с согласия комиссаров и комитетов дал приказ о стрельбе по бегущим».

Врангель приехал в штаб Юго-Западного фронта как раз в день начала австро-германского контрнаступления. Он вспоминал: «6 июля я прибыл в Каменец-Подольск. Здесь узнал я последние новости. “Прорыв революционной армии” закончился изменой гвардейских grenader, предательски уведенных с фронта капитаном Дзевалтовским. За ними, бросая позиции, стихийно побежала в тыл вся 11-я армия. Противник

занял Тарнополь, угрожая флангу и тылу соседней 8-й армии генерала Корнилова. Геройская гибель ударных батальонов, составленных большей частью из офицеров, оказалась напрасной. “Демократическая армия”, не желая проливать кровь свою для “спасения завоеваний революции”, бежала как стадо баранов».

Врангель хотел поговорить с генералом Корниловым, с которым виделся единственный раз год назад в царской Ставке в Могилеве, и поехал на автомобиле через Черновицы в Коломыю, где располагался штаб 8-й армии. Лавр Георгиевич принял его утром 7 июля. В тот же день Корнилова назначили командующим Юго-Западным фронтом. Петр Николаевич так описал эту встречу: «Он нисколько не изменился с той поры: маленький, сухой, смуглый и загорелый, с небольшой бородкой и жесткими черными усами, с лицом заметно выраженного монгольского типа, он говорил выразительными отрывистыми фразами. В нем чувствовался особый порыв, какая-то скрытая, ежеминутно готовая к устремлению сила. Он очень спешил, уезжая через несколько часов в штаб фронта. Я вкратце сообщил ему о том, что известно мне было о положении в Петербурге, дал сведения о моей там работе и предложил использовать графа Шувалова для связи со столицей. Генерал Корнилов тут же приказал зачислить графа Шувалова ординарцем. Генерал пригласил меня обедать, и мы вместе пошли в столовую».

Восьмого июля Врангель прибыл в свою дивизию, расположенную в 25 верстах от Станислава. На следующий день штабу дивизии пришлось отступить в Станислав. Врангель получил приказ: прикрыть отход 8-й армии на реку Збруч. Для этого новый командующий армией генерал Черемисов 10 июля назначил его командиром Сводного конного корпуса, в который вошли 7-я кавалерийская и 3-я Кавказская казачья дивизия. Этот корпус должен был прикрытьстык 7-й и 8-й армий.

В ночь с 9 на 10 июля отступающие войска устроили в Станиславе еврейский погром, разграбив лавки и магазины. В городе начались пожары. Петр Николаевич с казаками, взявшими погромщиков в нагайки, сумел остановить бесчинства. Помог и полк польских улан, по приказу Врангеля расстрелявший нескольких грабителей.

Врангель был в расположении 7-й кавалерийской дивизии, когда ее позиции подверглись обстрелу немецкой тяжелой артиллерией. Чтобы не допустить паники, барон стал демонстративно пить с офицерами чай в дивизионном штабе, хотя рядом рвались снаряды. Он так описал этот эпизод: «У

небольшого дома лесника я увидел группу офицеров. Из избы были вынесены стол, скамьи и стулья, и офицеры пили чай. Кругом полянки среди деревьев виднелись кони. Здесь стояла спешенная бригада. Едва я слез с лошади и направился к столу, как послышался характерный гул приближающегося снаряда. Мгновение — и раздался взрыв. Снаряд упал тут же за избой. Послышались стоны, по полянке со сбитым седлом и окровавленным крупом проскакала лошадь. Среди спешенных полков стало заметно движение. Отдельные люди с лошадьми потянулись в лес. Я понял, что еще минута, и начнется беспорядочный отход. В лесу шрапнельный огонь противника не мог быть очень действенным. Необходимо было сохранить порядок. Я скомандовал “смирно” и, сев за стол, потребовал себе чая. Новый снаряд прогудел в воздухе и, ударившись где-то вблизи, разорвался. Один осколок, громко жужжа, упал около стола так, что я, не вставая со стула, мог, нагнувшись, его взять. Я поднял осколок и, повернувшись к ближайшему полку, крикнул солдатам: “Бери, ребята, горяченький, к чаю на закуску”, — и бросил осколок ближайшему солдату. В одну минуту лица просветели, послышался смех, от недавней тревоги не осталось и следа. Выпустив еще два-три снаряда, противник прекратил огонь. Мы потеряли всего два человека и несколько лошадей ранеными».

По словам Врангеля, с этого дня между ним и его солдатами установилось невидимое духовное единение: «...я почувствовал, что полки у меня в руках, что та психологическая связь между начальником и подчиненными, которая составляет мощь каждой армии, установилась».

Корнилов прислал Врангелю телеграмму: «Прошу принять лично и передать всем офицерам, казакам и солдатам Сводного конного корпуса, особенно же кинбурнским драгунам и донцам, мою сердечную благодарность за лихие действия корпуса 12 июля, обеспечившие спокойный отход частей на стыке армий. Корнилов». 15-го числа русские войска отошли к реке Збручу, потеряв с начала июньского наступления убитыми, ранеными и пленными 1968 офицеров и 56 361 солдата.

Временное правительство разрешило награждать солдат орденами Святого Георгия, а офицеров — солдатскими Георгиями. 24 июля 1917 года по постановлению наградных дум частей Сводного конного корпуса, утвержденному командующим 8-й армией, Врангель был награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й степени за обеспечение силами вверенного ему корпуса отхода русской пехоты к реке Збруч в период с 10 по 20 июля 1917 года.

Восемнадцатого июля Корнилов был назначен Верховным

главнокомандующим. 25 августа он, по договоренности с главой Временного правительства Керенским, направил 3-й конный корпус генерала Крымова в Петроград для подавления возможного восстания большевиков, а 27-го числа Керенский под давлением Петроградского Совета объявил Корнилова мятежником и сместил с поста. В тот же день Врангель приехал верхом в штаб 8-й армии. Он был свидетелем получения сразу двух взаимоисключающих телеграмм: Корнилова — о «предательстве» Керенского и Керенского — с объявлением Корнилова вне закона. Командующий армией генерал-лейтенант Соковнин и начальник штаба генерал Ярон пребывали в растерянности, но всё же не отменили приказ об отправке 2-й бригады 3-й Кавказской дивизии на соединения с Туземной (Дикой) дивизией 3-го корпуса неподалеку от Пскова, в районе станции Дно.

Однако осуществить эту переброску не удалось. Вечером к Врангелю прибыл начальник 3-й Кавказской дивизии генерал Одинцов и сообщил, что комитет 8-й армии получил телеграмму Керенского. Поскольку командующий и штаб армии устранились от руководства войсками, командование фактически перешло к армейскому комитету. Одинцов предложил Врангелю поднять по тревоге корпус, арестовать штаб армии и принять командование. Но Петр Николаевич не пошел на эту авантюру. Он понимал, что исход дела решается в Петрограде, а к исходу 27 августа уже возникли серьезные сомнения в том, что выступление Корнилова приведет к успеху. Настроения в подчиненных Врангелю войсках были не такими, чтобы он мог арестовать армейский комитет. Утром 28-го ему доложили, что войсковой комитет 3-й казачьей дивизии вызывает в дивизию членов комитета 7-й дивизии. Туда также прибыли представители комитета 8-й армии, а генерал Одинцов по их требованию задержал отправку к Петрограду одной из бригад своей дивизии. Врангель прибыл в штаб 3-й дивизии, но ему не удалось предотвратить принятие резолюции в поддержку Керенского. 7-я дивизия не приняла никакой резолюции — ни за Керенского, ни за Корнилова. 29 августа был получен приказ штаба армии об установлении контроля войсковых комитетов: отныне все приказания начальников вступали в силу лишь после их скрепления подписью одного из членов соответствующего комитета.

В беседе с глазу на глаз Врангель заявил Соковнину: «Это приказание, ваше превосходительство, я считаю оскорбительным для начальников. Выполнить его я не могу. Прошу немедленно отчислить меня от командования корпусом... Ежели вы меня не отчислите, то мне не остается ничего другого де-

лать, как по тревоге поднять 7-ю дивизию и говорить непосредственно с комитетчиками». Испугавшийся не на шутку Соковнин обещал тут же переговорить с комитетом армии. Через час ординарец принес Врангелю приказание командарма, где пункт предыдущего приказа о визировании членами комитетов распоряжений начальников отменялся. Однако контроль комитетов над войсковой связью продолжался.

Вернувшись к себе в штаб, Врангель приказал перенести в свою квартиру телеграфный и телефонный аппараты.

Тем временем контрреволюционное выступление полностью провалилось. 2 сентября Корнилов был арестован, а Крымов застрелился. Корниловщина привела к полной дезорганизации армии. В борьбе с Корниловым Керенский вынужден был опереться на помощь большевистских агитаторов. Теперь большевики и их союзники левые эсеры получили преобладание в Советах Петрограда и Москвы, а также во фронтовых и армейских комитетах ближайших к столице Северного и Западного фронтов. В большинстве частей офицеры полностью утратили влияние на солдат. Наблюдались случаи расправ над теми, кого обвиняли в сочувствии Корнилову. Многие офицеры покидали полки, опасаясь за свою жизнь.

Пятого сентября был полковой праздник Белорусского гусарского полка 7-й кавалерийской дивизии. Врангель решил отпраздновать его с размахом, чтобы поднять моральный дух частей. Командир корпуса отправил интендантов через границу в Румынию купить вина, по бочонку на эскадрон. Гусарам в честь праздника выдали новые красные рейтусы-чакчиры. После молебна Врангель произнес патриотическую речь, воодушевляя гусар на ратные подвиги. Петр Николаевич прошел по эскадронам и в каждом выпил чарку, говорил с людьми, после чего был банкет в Офицерском собрании.

На следующий день Врангелю было приказано прибыть в Яссы к главнокомандующему Румынским фронтом генералу от инфантерии Д. Г. Щербачеву, бывшему начальнику Академии Генштаба. Дмитрий Григорьевич объяснил, что вызвал Врангеля, зная о его письменных сношениях с арестованным генералом Корниловым. Щербачев опасался, что Петру Николаевичу из-за этого могут грозить неприятности, а в Румынии мог гарантировать ему безопасность. Русские войска Румынского фронта благодаря его стараниям, а также присутствию румынской армии и администрации, не допускавших в страну большевистских агитаторов, в наименьшей степени подверглись разложению и вплоть до Октябрьской революции сохранили боеспособность.

Через два дня после приезда Врангеля в Яссы из Ставки

пришла телеграмма о его назначении командиром 3-го конного корпуса с приказом нового Верховного главнокомандующего Керенского от 9 сентября. Сводный же конный корпус был расформирован. Однако скоро выяснилось, что на ту же должность назначен и генерал от кавалерии П. Н. Краснов. Врангель вспоминал:

«Всё последнее время я жил под тяжелым нравственным гнетом. Участь генерала Корнилова, самоубийство генерала Крымова, возглавление армии “революционным главковерхом”, “заложником демократии” во Временном правительстве адвокатом Керенским, все события последних дней глубоко потрясли армию. Остановившийся было процесс разложения возобновился, грозя совсем развалить фронт, а с ним и Россию. Однако решение генерала Алексеева принять должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего, казалось, говорило, что не всё потеряно. Если генерал Алексеев решил стать начальником штаба “главковерха из Хлестаковых”, то, видимо, есть еще надежда на какой-то исход. В минуту, когда я мог ежечасно ожидать ареста, назначение мое командиром корпуса, расположенного в окрестностях столицы, корпуса, в состав которого входила родная мне Уссурийская дивизия, казалось мне перстом Провидения. Я не знал, насколько еще уцелели от разложения части корпуса и удастся ли мне взять корпус в руки; не знал, какая участь постигла объединенные графом Паленом офицерские организации в столице. Я решил немедленно ехать в Петербург.

Я прибыл в Петербург утром. Заехав домой переодеться, я отправился в штаб округа. В дверях штаба я столкнулся с генералом Красновым, старым знакомым моим еще с японской войны, последнее время командовавшим 2-ой сводной казачьей дивизией. Он был чрезвычайно удивлен, узнав о назначении моем командующим 3-м конным корпусом. Оказалось, что он почти одновременно со мной тоже допущен Ставкой к командованию этим корпусом и уже в командование вступил. В последнее время при массовой смене лиц командного состава такие недоразумения случались часто. Я ничего не имел против неожиданного осложнения и решил не торопиться с принятием корпуса, предварительно ознакомившись с обстановкой».

Командующим Петроградским военным округом был назначен полковник Полковников, бывший начальник штаба Уссурийской дивизии. Он тоже принимал участие в корниловском выступлении во главе Амурского полка, но вовремя перешел на сторону Керенского. Полковников объяснил Врангелю, что, поскольку приказ о его назначении последний по

времени, именно он и должен принять корпус. Петр Николаевич ответил, что не может ставить Краснова в неловкое положение, поэтому будет в Петербурге ждать разрешения вопроса.

Врангель поинтересовался, каким образом Полковников, участвовавший в наступлении Корнилова на Петербург, мог быть назначен командующим войсками Петербургского округа. В ответ он услышал: «Вы же назначены командиром 3-го корпуса, чего тоже, очевидно, совершенно не ожидали».

Вероятно, в пользу Врангеля сыграл тот факт, что он прямо не участвовал в выступлении Корнилова.

Вечером барон встретился с графом А. П. Паленом. Тот рассказал, что в первые дни после разрыва корниловской Ставки с правительством Керенского большинству его офицеров-подпольщиков пришлось скрываться или бежать из города во избежание начавшихся арестов. Сам Пален пережидал эти дни в Рябове, имении своего знакомого Всеволожского под Петроградом.

Вечером Полковников связался с Врангелем по телефону и попросил зайти в штаб округа. Там генерал узнал, что «по условиям политического момента и ввиду его политической фигуры» военный министр Верховский не находит возможным его назначение командиром корпуса, расположенного в окрестностях столицы. Полковников добавил, что Верховный главнокомандующий Керенский с ним согласился и Врангелю будет предложено другое назначение. Петр Николаевич, однако, заявил, что никакого другого назначения не примет и будет ходатайствовать об увольнении в отставку.

Полковников заметил, что отставка старших начальников ныне не производится — имеется приказ военного министра, запрещающий возбуждение таких ходатайств. Тогда Врангель поехал за уточнением в министерство, где полковник Самарин подтвердил, что отставку ему получить не удастся.

Для решения вопроса Врангелю оставалась Ставка. Однако нового начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Духонина он совсем не знал, как и генерал-квартирмейстера, и дежурного генерала в Могилеве. Зато помощником начальника штаба по гражданской части состоял В. В. Вырубов, приятель барона по студенческим годам и времени службы вольноопределяющимся в Конногвардейском полку. И Врангель послал Вырубову телеграмму, прося помочь получить отставку.

На следующий день Петр Николаевич узнал, что прибывший в Петроград командующий Северным фронтом генерал Черемисов желает его видеть и просит приехать к полудню в Зимний дворец, где он должен быть у Керенского. Черемисов

предложил Петру Николаевичу поступить в его распоряжение и ехать с ним в Псков. Однако барон подтвердил, что твердо решил оставить службу.

По приезде в Могилев Врангель явился к генералу Духонину, которого увидел впервые. Он так описал эту встречу и свое последовавшее за ней решение: «Среднего роста, полный, румяный, с густыми вы ющимися черными волосами, чрезвычайно моложавый, он производил впечатление очень мягкого, скромного человека. Он стал уговаривать меня отменить мое решение, доказывая, что при настоящих условиях долг старших начальников оставаться в армии, что только их присутствие в армии еще дает возможность бороться с развалом. Я твердо стоял на своем. В тот же день я подал на имя генерала Духонина рапорт. Я писал, что, будучи назначен командиром 3-го корпуса, к командованию корпусом допущен не был. Ввиду всей прежней моей службы причину этого могу видеть лишь в моих политических убеждениях, “не всем угодных”, что “убеждений своих никогда не менят и в угоду кому бы то ни было менять не буду”, и ходатайствовал об увольнении меня в отставку».

Несомненно, монархические убеждения Врангеля не были тайной ни для кого, включая Керенского, поэтому-то новый главковерх и не хотел давать ему должность, связанную с командованием крупными воинскими соединениями.

Несколько дней спустя Духонин через Вырубова передал Врангелю, что Керенский не считает возможным уволить в отставку одного из старших кавалерийских начальников. Петру Николаевичу была предложена должность командующего войсками Минского округа, но он отказался.

Продолжая добиваться официальной отставки и в то же время прекрасно понимая, что в военное время никто ее не предоставит, Врангель поселился в вагоне Вырубова в Могилеве, обедал и ужинал вместе с ним у общего приятеля графа К. А. Бенкендорфа, состоявшего при военных представителях иностранных держав. Как-то за столом зашел разговор о необходимости реорганизации армии. Вырубов рассказал, что этим как раз сейчас и занимаются в Ставке. Предполагалось организовать армию по территориальному принципу в надежде, что части, состоящие из земляков, будут более упорно сражаться и меньше подвергнутся разложению. Врангель стал горячо доказывать, что территориальная система может лишь расчленить армию на национальные контингенты и будет способствовать сепаратизму национальных окраин. Да и переход на территориальную систему в военное время практически неосуществим. Он предложил другой план. В мемуарах он писал:

«По моему мнению, для оздоровления армии, если еще не поздно, необходимо прежде всего, чтобы правительство отказалось от так называемой “демократизации армии” и “революционной дисциплины”, чтобы была проведена в жизнь так называемая “Корниловская программа”. При этих условиях я видел возможность начать в армии работу. Пользуясь зимним затишьем и оттяжкой германцами значительных сил на западный фронт, можно было, оттягивая постепенно часть корпусов в тыл, выделить из частей наиболее слабый элемент; оставшимися пополнить выделенные в дивизиях ударные батальоны, кои могли быть развернуты в полки и бригады. По этому расчету число пехотных дивизий должно было уменьшиться, сколько мне помнится, вдвое, но зато дивизии эти были бы боеспособны. Выделенные из полков негодные элементы могли бы быть сведены в рабочие роты с особо строгой дисциплиной. Эти роты могли бы употребляться на тыловую службу, и возвращение из них обратно в строй должно было быть допускаемо по прошествии некоторого времени и с соответствующей аттестацией начальства. Служба в строю, по моей мысли, должна была быть обставлена рядом служебных и материальных преимуществ по сравнению с тыловой. Конечно, все эти меры могли дать соответствующие результаты лишь при условии изменения общего порядка в армии».

Вырубову план понравился, и он доложил о нем Н. Н. Духонину и генерал-квартирмейстеру Ставки М. К. Дитерихсу. Те чрезвычайно заинтересовались. Дитерихс просил Врангеля подготовить письменный доклад о реорганизации армии. Барон взял себе в помощники подполковника Генштаба Яковлева и через десять дней представил Дитерихсу и Вырубову текст. Они внесли ряд изменений, однако принципиальные положения плана возражений не вызвали. Врангелевский проект направили на утверждение в Петроград.

Однако Петр Николаевич мало верил в возможность воплощения в жизнь всех намеченных мер. Предлагая их, он лишь рассчитывал войти в непосредственный контакт с ударными батальонами, которые состояли из добровольцев, главным образом офицеров. Действительно, в условиях разложения армии и всевластия солдатских комитетов никто не остался бы в каторжных «рабочих ротах», да их и некому было бы охранять. Добровольческих же ударных батальонов было так мало, что они никак не смогли бы удержать фронт даже против значительно ослабленных австро-германских войск. Спасение, быть может, было в немедленном заключении сепаратного мира, но эту идею единодушно отвергали и Керенский, и Духонин, и Врангель, и подавляющее большинство

русских офицеров и генералов, считавших бесчестным изменять союзническому долгу и отрекаться от трех лет доблестной борьбы с врагом. Замирение с немцами означало бы для Врангеля, как и для десятков тысяч офицеров, утрату смысла жизни и понятия чести. Потому-то они столь резко осудили впоследствии Брест-Литовский мир.

Шестого октября 1917 года Керенский утвердил представленную Вырубовым докладную записку, в основу которой лег проект генерала Врангеля по реорганизации армии. Но никаких шагов в этом направлении Временное правительство предпринять уже не успело — 25 октября к власти пришли большевики.

Врангель вспоминал:

«1-го ноября Керенский бежал, предав своих товарищей по кабинету, армию и Россию, 5-го ноября декретом совнаркома Верховным главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко. В Ставке делали еще потуги сформировать “демократическое правительство”, председателем правительства намечался В. М. Чернов. Я сидел у Вырубова, когда доложили о его приходе. Желая избегнуть встречи с этим господином, я поспешил выйти из кабинета. Одновременно с Черновым прибыл и бывший военный министр генерал Верховский. Я имел случай его видеть, и он произвел на меня впечатление самоуверенного ничтожества.

В день, когда мне стало известно о назначении Верховным главнокомандующим прапорщика Крыленко, я решил уехать из армии. Генерал Духонин меня более не удерживал. Получив нужные бумаги, я зашел к Вырубову попрощаться. Я застал его сильно расстроенным, он только что вернулся от Духонина, который получил известие об отданном Крыленкой приказе войскам “вступить в переговоры с противником”, при этом Крыленко телеграфировал Духонину, требуя сдачи должности начальнику гарнизона, генералу Бонч-Бруевичу. Бездарный, тупой и на редкость беспринципный — Бонч-Бруевич успел втереться в доверие могилевского совдепа. Генерал Духонин предложил генералу Дитерихсу и Вырубову освободить их от связывающего слова не оставлять друг друга. Вырубов отказался, решив до конца разделить участь с главнокомандующим, Дитерихс же, хотя и решил остаться, но в качестве “частного человека”, заручившись приказом за подписью Духонина об откомандировании в Кавказскую армию. По словам Вырубова, генерал Духонин решил Ставку переносить в Киев.

С тяжелым чувством я выехал из армии. Восемь месяцев тому назад Россия свергла своего Монарха. По словам стояв-

ших у власти людей, государственный переворот имел целью избавить страну от правительства, ведшего ее к позорному сепаратному миру. Новое правительство начертало на своем знамени: “Война до победного конца”. Через восемь месяцев это правительство позорно отдало Россию на милость победителю. В этом позоре было виновато не одно безвольное и бездарное правительство. Ответственность с ним разделяли и старшие военачальники, и весь русский народ. Великое слово “свобода” этот народ заменил произволом и полученную вольность претворил в буйство, грабеж и убийство».

После большевистского переворота, 10 ноября, Врангель от службы отказался. Но характерно, что он не принял участия в движении на Петроград 3-го конного корпуса, с помощью которого Керенский хотел подавить большевистское восстание. Барон явно не собирался восстанавливать «главноговаривающего» у власти. Не пытался он и убедить Духонина организовать сопротивление приближавшимся к Могилеву отрядам большевиков. Не советовал Врангель и освобождать Корнилова и других арестованных, содержавшихся в тюрьме Быхова, недалеко от Ставки. Корнилов, Деникин и другие участники контрреволюционного выступления во многом были для Петра Николаевича чужими людьми, ведь они являлись «февралистами» и республиканцами, а тот же Корнилов в начале революции арестовывал царскую семью. Врангель еще не был готов вместе с ними вступить в борьбу с большевиками — он предпочел уехать в Крым, чтобы отсидеться и подождать прояснения политической обстановки.

С ДОБРОВОЛЬЦАМИ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

В Крыму у семьи Врангеля была дача в Ялте, на Нижне-Массандровской улице.

Большевистская революция пришла в Ялту не сразу. Она уже победила в Севастополе, но на южном берегу местное татарское население было враждебно к большевикам. Порядок в городе поддерживался состоявшим из татар эскадроном Крымского конного полка.

Морской офицер С. А. Мацылев вспоминал, как встретился с Врангелем 26 ноября 1917 года:

«...Георгиевский праздник... отмечался торжественным молебном в соборе и вечером благотворительным концертом в гостинице “Россия”.

После молебна в ограде собора в отдельных группах живо обсуждалось происшествие последней ночи (пьяный комен-